

Профессионалу нужно начинать «с нуля»

Мы беседуем с Людмилой Ивановной Сюренко, посвятившей газовой отрасли страны всю свою жизнь.

Людмила Ивановна более 30-ти лет работала в дочерних предприятиях ОАО «Газпром» в сфере организации плановой, договорной и финансово-экономической работы заказчика-застройщика, в частности, в таких организациях, как ПО «Норильскгазпром», ООО «Надымгазпром», ООО «Газпром нефть шельф».

— Людмила Ивановна, как начался ваш трудовой путь в газовой промышленности нашей страны?

— В 1978 году я приехала на полуостров Таймыр, в 400 километрах за Полярным кругом, в город Норильск, и поступила на работу в производственное объединение по добыче и транспортировке газа «Норильскгазпром».

В те времена Норильский промышленный район постепенно переключался с угля на газ. Я начала с должности распределителя работ на прорабском участке на газораспределительной станции (ГРС).

Работа в газовой отрасли престижной тогда вовсе не была, зарплаты были низкими. Ни я, ни мои товарищи и коллеги не представляли тогда, что буквально два десятилетия спустя мы окажемся в авангарде промышленного развития.

— Работа на Севере никогда не была легкой. С какими трудностями пришлось столкнуться лично вам?

— Помню страшную аварию на первой нитке газопровода Мессояха-Норильск... Это было в 1979 году, 2-го февраля. Третий месяц стояли 55-градусные морозы с ветром 20 метров в секунду. Норильск, поселки Тухард, Галнах и Кайеркан начали замерзать. Разорвало подводный участок газопровода подо льдом толщиной 2,5-3 метра, все понимали, что на ремонт уйдет время...

Всех детей немедленно свезли в Норильск в один дом, который отапливался резервным углем. А мы продолжали ходить на работу, несмотря на то, что в помещении было не намного теплее, чем на улице (-15°C мороза). О том, что такое северный характер, мы узнали, когда жители Норильска пошли к Горкому партии настоящей демонстрацией, предлагая себя для ликвидации последствий аварии.

— Что было потом?

— Аварию ликвидировали.

А меня позвали работать техником в аппарат объединения в производственный отдел по обустройству месторождений. Надо было определять стоимость принятых объемов работ по журналу 6-КС, формам 2 и 3, оформлять финансирование в Норильском отделении Промстройбанка СССР, планировать показатели по капитальному строительству, самостоятельно разрабатывать пусковые комплексы.

Горжусь тем, что принимала участие в обустройстве самых северных в мире газоконденсатных месторождений – Соленинского, Южно-Соленинского, Северо-Соленинского и строительстве третьей и четвертой нитки газопровода «Мессояха-Норильск».

— Промстройбанк СССР известен в профессиональной среде не только своей безукоризненной репутацией, но и чрезвычайно взыскательным и профессиональным отношением к строителям. Скажите сразу – тяжело приходилось?

— Честно? Да, поначалу тяжело. Работа с Промстройбанком требовала высочайшей профессиональной квалификации. Подчеркну: приходя на работу, я знала далеко не всё, росла в полном смысле этого слова «с нуля», спасибо старшим товарищам и коллегам за понимание и взаимовыручку. Постепенно, не сразу моя квалификация достигла того уровня, на котором я могла общаться с ведущими специалистами отрасли. Знаете, что мне помогло? Интерес к работе.

Сложилось так, что на Севере собрались люди не просто равнодушные, но горящие любовью к своему делу. Нам было интересно всё, любые нюансы. Мастерство стало целью нашей жизни, и мы этой цели добились все вместе.

Диалог с Промстройбанком строился на доскональном знании нами законодательства о капитальном строительстве. То есть, всех его двенадцати томов. Но никогда мы не чувствовали, что банк является нашим оппонентом, противником или тормозом нашего развития. Никто из служащих банка ни разу не попытался нас ущемить, «ущучить», уличить в непрофессионализме, нарушении каких-либо норм и стандартов. Работники банка порой даже учились у нас, практиков.

При этом Промстройбанк держал все под контролем, к нам постоянно приезжали с проверками работники технического отдела банка, шли на объекты, сверяли отчетные данные с фактом, смотрели, чтобы всё было по нормативам, без излишков. В общих интересах было работать без рекламаций.

Не могу не вспомнить здесь таких моих непосредственных начальников, как Николай Никитович Иванов, Михаил Николаевич Журавель, и настоящего моего учителя – ленинградца Александра Петровича Соколова. На работу я летела как на крыльях.

Через шесть лет, в 1984 году, я решила с семьей ехать домой, в город Жданов, ныне Мариуполь Донецкой области Украины, но уже через год поняла – без Севера никуда. Манит.

— **Неужели тяга к Северу настолько сильна?**

— Стосковалась по тем людям, по той рабочей атмосфере, неизменно доброжелательной. Даже дома показалось без них сиротливо.

— **Чем вы объясняете сплоченность вашего коллектива? Кто занимался подбором кадров и как именно это происходило?**

— Я сама и занималась. При подборе кадров важно чувствовать, чего требует данное конкретное дело, которое ты любишь. Нужно поговорить с человеком, и станет видно, выйдет ли из него толк. Специально искала строптивых, со своим мнением: слишком уступчивые редко проявляют инициативу, плывут по течению. В результате люди подобрались самые отборные.

Надо понимать: специалистов для работы в службе заказчика-застройщика управления капитального строительства никто не готовит, ни один ВУЗ страны. Есть специальность «Промышленное и гражданское строительство», но ведь этого мало! Нужны не только интеллект, эрудиция, организаторские способности (контактировать приходится со всеми сторонами рабочего процесса), но и смекалка, подвижность, умение гасить конфликты в самом начале, доброжелательность...

Может, я скажу сейчас известную фразу, но главное в нашем деле, «чтобы человек был хороший». Если я вижу в человеке порядочность, умение отвечать за свои слова, делать дело, добиваться результата, не валить неудачи на других, не выпячивать себя – это мой человек. И его я «довежу» во что бы то ни стало. За некоторых подготовленных специалистов я даже получала неофициальные благодарности коллег. Многие из них были талантливы, и надежды на них полностью оправдались: на других проектах они показали всю меру накопленной компетенции.

Так что лучше создавать специалистов с нуля. Я сама росла с нуля, и вижу, как это должно быть.

— **Каковы функции УКСа?**

— Основных четыре: обеспечение финансирования – раз, комплектация – два, обеспечение проектно-сметной документацией – три, технический надзор – четыре.

Мы сами разработали внутренние регламенты по аналогии с отраслевыми документами – регламентами «Газпрома». Из них сразу было видно, кто ответственный исполнитель работ, кто соисполнитель, сроки, виды создаваемых документов и т.д.

Кстати, о сегодняшней практике «Газпрома» по взаимодействию с участниками инвестиционного процесса я самого высокого мнения – вся деятельность налицо, всё прозрачно, видно движение каждого рубля. С «Газпромом» всегда работалось легко, и тоже благодаря удачному подбору «Газпромом» профессионалов. Не помню ни одного безвыходного положения, а мне приходилось работать со всеми Департаментами – инвестиций и строительства, добычи нефти и газа, стратегического развития, бухучета и т.д.

— **Итак, ваша работа на Севере через год отдыха на родине продолжилась?**

— В 1986 году мне посоветовали ехать в Ямало-Ненецкий автономный округ на севере Тюменской области. Там создавалась дирекция по обустройству месторождений на полуострове Ямал с базированием в городе Лабитнанги. Создавал дирекцию Валерий Петрович Бурдин, с которым я уже работала в Норильске. Тогда он был директором ПО «Норильскгазпром».

В ЯНАО нам предстояло строительство новой железнодорожной линии Обская-Бованенково-Харасавэй и обустройство Бованенковского и Харасавэйского газоконденсатных месторождений по льготному финансированию, на основании единичных расценок по рабочей проектно-сметной документации.

Мне пришлось тоже с нуля организовывать работу по планированию, финансированию и отчетности в капстроительстве, заключению договоров подряда на капстроительство, разработку проектной документации, авиаперевозки, определению и согласованию договорных цен и т.д.

Согласовывать планы нужно было в Тюменском главке. Летать туда приходилось часто: программы капитального строительства должны были быть одобренными до последней копейки. Не имея утвержденных проектов, их приходилось обсчитывать по аналогам норильских проектов. Лично я разрабатывала проекты титульных списков строек с расшифровкой показателей обустройства в разрезе предполагаемых объектов в сводных сметно-финансовых расчетах. Работа продвигалась так быстро, что главный инженер дирекции Николай Павлович Клёнов только удивлялся.

— **Дирекции приходилось судиться с контрагентами?**

— Представьте себе масштабное строительство, непрерывные согласования, которые иногда принимали формы, скажем так, конфликтные... Благодаря нашему грамотнейшему юристу — Лилиане Петровне Тимошковой мы из таких ситуаций неизменно выходили с честью.

Мы с Лилианой Петровной предпринимали всё для того, чтобы не доводить дело до судов. Но претензий и исков не боялись: всё бывает, особенно на таких масштабных стройках. Претензии были, готовили их подрядчики. И мы тоже готовили встречные претензии: наши генеральные проектировщики – институты «Южнийгипрогаз» и «ВНИПИГаздобыча» – не всегда могли предоставить проектно-сметную документацию в срок. Но, даже выиграв дела, Валерий Петрович прощал им штрафы.

В итоге наша договорная работа в системе Главка была признана лучшей: высокий уровень претензионно-исковой деятельности, ни одного проигранного дела в арбитраже.

— **А как складывались отношения с Москвой?**

— В Москву летала постоянно – открывала льготное финансирование в Промстройбанке СССР. Перечни объектов согласовывала в Мингазпроме на уровне курирующего Западную Сибирь замминистра Леонарда Гилязовича Рафикова, а также на уровне замминистра Рэма Ивановича Вяхирева.

Когда за тобой тысячи строителей, высадившиеся в тундру на вертолетах, невольно пойдешь напролом.

Помню смешной случай: в Госкомприроде СССР вахтерша отказалась меня пускать, и тогда я выждала момент, когда она отвернулась, и пулей бросилась в лифт. Только после разрешения экологов мне согласовали вождеденное льготное финансирование. Это была настоящая удача! Телеграмма об открытии финансирования тут же ушла в тюменскую территориальную контору Промстройбанка. Меня в Министерстве газовой промышленности так звали – «Ямал»: «Ямал пришла», «Помогите Ямалу, она ждет»...

— **А кто запомнился из проектировщиков?**

— Генеральные проектировщики «ЮжНИИгипрогаз», «ВНИПИГаздобыча», «Ленгипротранс», а также «Ленаэропроект», «ЛенморНИИпроект», «Гтпроспецгаз», «ЛенНИИПргидостроительство»... Все проекты были высокого уровня.

— **Газовая отрасль – по определению инновационная, то есть, катализирующая усилия самых разных отраслей. Сопровождались ли проекты добычи природных ресурсов революционными разработками наших инженеров?**

— Было две многообещающих разработки.

Ученые и инженеры Московского авиационного института разрабатывали судно на воздушной подушке, который мог приземляться в тундре, не повреждая покрова почвы. И еще одна разработка проектировщика — блок-боксы, особые конструкции, не позволявшие тяжелым конструкциям газодобытчиков тонуть в болотах.

— **Что же произошло дальше?**

— Дальше Главтюменьгазпром, которому мы подчинялись, ликвидировали, а нашу дирекцию передали в ведение Запсибгазпрома, а в 1990-м – в Надымгазпром, назначив нам молодого талантливого руководителя – Юрия Эдуардовича Кинцлера. Замечательный, удивительный человек, знающий, потомственный газовик – и мать, и отец его работали в отрасли, были первооткрывателями Надыма, Уренгоя.

Спустя несколько дней работы Юрия Эдуардовича вместе с другими специалистами вызвали к директору «Надымгазпрома» Валерию Владимировичу Ремизову. К этой встрече я подготовила отчет о деятельности дирекции за пять лет, и так получилось, что докладывать Юрий Эдуардович поручил мне, и сделала я это четко и уверенно, потому что за каждый пункт ручалась головой: всё проходило через меня. Доклад одобрили.

Потом пришлось работать на разных должностях – начальником отделов экспертизы проектов и смет, финансово-экономического, планово-финансового, планово-экономического...

Через семь лет, в 1997 году, Юрий Эдуардович перешел на работу в «Газпром», а заместителем директора по капстроительству назначили Василия Дмитриевича Супруна.

Два управления капитального строительства (УКС) были слиты в один, и мы принялись за обустройство месторождений Пур-Тазовского региона: Юбилейного, Ямсовейского, реконструкцию Медвежьего месторождения.

Меня тогда приглашали на должность заместителя директора по экономике и финансовой работе в Ямбургскую дирекцию, но я отказалась.

— **Привыкли к Ямалу или были другие причины?**

— Это надо чувствовать... Ямал – это 16 крупнейших месторождений, не считая тех, что на морском шельфе. Казалось бы, что можно любить на Севере? Когда кругом болота и то жуткие морозы, то комары. Но любишь даже не саму природу, которая красива в любом ракурсе и состоянии, при любой погоде, а людей.

В 2004 году я перешла на должность главного специалиста по экономике и финансовой работе УКС «Надымгазпрома», а в 2006 году переехала в Москву. В связи с решением ОАО «Газпром» о крупномасштабном освоении мегапроекта «Ямал» в столице я возглавила отделение по сопровождению инвестиционных проектов УКСа «Надымгазпрома»: все поставщики, подрядчики и проектировщики шли через нас.

Согласовали сложнейшую транспортную схему по доставке грузов на Бованенковское и Харасавэйское месторождения (морем на портопункт Харасавэй, по реке Обь, зимником железной дорогой с перевалкой, авиаперевозками), прошли Главгосэкспертизу России по проекту обустройства Бованенковского ГКМ, в 2008 году успешно провели презентацию проекта в Главгосэкспертизе, после чего проект был утвержден руководством ОАО «Газпром».

— **Какой момент своей работы вы можете назвать кризисным, если такие были?**

— Газовая отрасль никогда не оставалась в стороне от общеэкономических проблем. В 1991 году изменились формы собственности, и Газпром взял на свой баланс все недостроенные объекты.

Тогда Международный валютный фонд требовал от России расчленения «Газпрома» в интересах демонополизации экономики. Виктор Степанович Черномырдин и Рэм Иванович Вяхирев употребили всё своё влияние для того, чтобы этого не случилось. Благодаря этим прекрасным, болеющим за дело руководителям, гигантам отрасли, настоящим Людям «с большой буквы» удалось сохранить крупнейшую компанию страны и отрасль в целом. Тогда «Газпром» входил в десятку крупнейших

компаний мира, но первенство его неоспоримо — компания по-прежнему самая крупная в России и в мире в сегменте газодобывающих.

А я еще помню «Газпром» восьмиэтажным.

— **То есть, как?**

— Двадцать лет назад «Газпром» занимал восемь этажей здания на улице Строителей у метро «Университет». На восьмом располагалось управление экспертизы проектов, там нами занималась...

— **...замечательная?**

— Да, замечательная, изумительная, высочайший профессионал в отрасли, Лидия Петровна Иванова, наш эксперт. Приезжаешь, и тут же тебе выделяется отдельный столик, и ты буквально окружен вниманием и заботой. Вообще, все тогдашние работники «Газпрома» — открытые, добрые, внимательные. Это был стиль компании.

Сейчас Лидия Петровна возглавляет одну из компаний в системе «Газпрома».

— **Что бы вы пожелали молодым специалистам, только вступающим на тернистый путь газодобычи в Заполярье?**

— Никогда не бойтесь ответственности. Чем больше вы возьмете на себя, тем большему научитесь. Не бойтесь неудач, они случаются. Главное – чтобы вы были искренними с самими собой. Если Север вас принял, считайте, что главную проверку своей жизни вы выдержали на пять баллов. Удачи!

Беседовал Сергей Арутюнов